

*С кем о спасении условиться
В стране, где властвует лишь тать?
Судьба моя – как крестословица,
Что не под силу разгадать.*

Игорь Елисеев (Из книги «Во свете живых»)

Разгадать «крестословицу» сам автор предлагает читателю во всех проникновенных стихотворениях своего сборника. Я могу предложить только свой вариант возможной разгадки. Может быть, читатель и автор со мной не согласятся, но думаю, что какую-то долю сказанного в подтексте мне удалось уловить.

Почти двести лет тому назад один русский поэт, конечно, не такой знаменитый, как его современники Пушкин или Лермонтов, но всё же оставивший по себе память, – В. Печерин – написал печально знаменитые строки:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать её уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирную десницу возрожденья.

И этими строками он вошёл в историю отечественной литературы как отрицательный пример: дескать, так думать и говорить не следует. К тому же и сам уехал куда-то в Ирландию, принял католичество и расстался с отчизной навсегда. Был ещё и другой «клеветник России» – П. Чаадаев, – так того и вовсе официальное правительство (то есть Николай I) объявило сумасшедшим, хотя то т же Пушкин считал его одним из умнейших людей. А ведь тогдашнее время-то какое было – теперь его называют «золотым веком». Сегодняшний век – век грязи?

Теперь это всё прошлое выглядит какой-то далёкой мечтой, а на дворе чуть ли не блевотина:

Будь трижды проклят детства страшный дом,
Где радости я никогда не видел,

Где каждый проживавший прежде в нём
И рядом с ним хоть раз меня обидел.

Будь трижды проклят город мой родной,
Кипящий адом выхлопного газа,
Стяжательства зловонною смолой,
Дикарством «представителей Кавказа».

Будь проклята безумная страна,
Своё же разрывающая тело.
И жизнь моя, которую она
В холодный пепел превратить успела.

Так пишет автор этой книги и, ей-богу, трудно с ним не согласиться, потому что пишет он от души, – как человек нашей эпохи, познавший её плотью и кровью, а не какими-то отвлечёнными размышлениями.

Подлинной вдохновительницей Игоря Елисеева стала муза отчаяния, и если таковой раньше не было, – разве что у Георгия Иванова, – то она появилась в наши дни, что бы нам ни твердили сегодняшние правители о снижении инфляции, росте благосостояния, уменьшении безработицы и т.п. Каждый, живущий ныне в России, твёрдо знает, что корень зла именно в структуре власти, а точнее, – в тех, кто ею обладает. Я уже отмечал политический характер многих стихов И. Елисеева, но часто он бывает просто беспощаден:

Смотри сюда – ты видишь эту мразь,
похожую на высушенных мумий,
которая сегодня собралась,
как в пирамиде каменной, в Госдуме?
Что думают истлевшие мозги?
Мой дух понять их и принять бессилён.
В их кулуарах не видать ни зги,
и в коридорах власти нет извилин. («Мертвецы»)

Не только читатель этих стихов, но и рядовой избиратель может справедливо спросить и сам себя, и государственную власть: чего же стоят эти выборы. Для того, чтобы считать выборы хотя бы опереточной игрой, надо сначала понять, чем живёт народ. Об этом ясно пишет Елисеев:

Назовёт ли жизнь игрой // Вася или Гриша? //
У шофёра – геморрой, // У грузчика – грыжа. //

По Садовой по Большой // Гриша рассекает, //
А Василий день-деньской // Тяжести таскает. //
«Так и будешь за рулём // Ты всю жизнь, Григорий?» //
«За рулём – не под хмелём. // Это разве горе?» //
«Тяжело шкафы тягать, // Правда ли, Василий?» //
«Невозможна благодать // В жизни без усилий». //
Зашибают так деньгу, // Раны и болезни //
И не мыслят на бегу, // Что чего полезней. //
Да и я вот не пойму, // Что всё это значит //
И порою почему // Сердце горько плачет?

Здесь уже не просто полемика со всемирно известным: «Что наша жизнь? Игра» (Пётр и Модест Чайковские) – уж слишком по откровенному, а не по оперному это звучит. Сейчас времена пошли другие – не до игр и игрушек. Всё рушится, всё гибнет, – впереди пропасть. Автор это прекрасно понимает. Наверное, такое же ощущение было после «великого Октября».

Остаются от жизни
Только горечь и боль,
Что саднят мое сердце,
Как с утра – алкоголь.

Но боль по утраченной, казалось бы, родине живёт в сердце.

Мне не найти единоверца.
Куда идти, к какой святыне?
Россия – справа, слева – сердце,
И я – ничей – посередине.

Так могли бы сказать Блок или Есенин, это же прозвучало и у Максимилиана Волошина: «А я стою один меж них (...) // Молюсь за тех и за других».

Самая сильная сторона стихов И. Елисеева – это их беспощадная обнажённость, исповедальность, которые становятся жгучей публицистикой и открыто хлещут сознание и душу читателя, как, впрочем, и самого поэта.

Давно во мне смешались, как в сосуде,
запой и упоение. Я груди
стеклянные нетрезвою рукой
сжимал, не правды – нежности взыскуя,
в которой мог бы утопить тоску я
и обрести ненужный мне покой. (Из цикла «Запой»).

Как это ни покажется странным, но мне представляется, что после эстетических экзерсисов постмодернизма стихи И. Елисева – своего рода глоток свежего холодного воздуха, от них веет свежестью. Но это свежесть боли, тоски, отчаяния. Сборник завершается поэмой, которая так и называется «Поэма отчаяния». Это произведение, буквально пропитано сердечной болью, болью души, обречённой на муки и невероятные испытания.

Бессмертия, увы, не существует.
И жизнь дана для каждого – одна.
Душа моя об этом повествует,
Поскольку жить отчаялась она.
Но я не отпущу её на волю, –
И воли тоже в целом мире нет.
Рабы себе не выбирают долю –
Таковыми появились мы на свет.

Рабами русский народ считали все так называемые «революционные демократы». Вспомним знаменитое: «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы» (Н. Чернышевский). Или добрый совет А. Чехова выдавливать из себя раба по капле. Почему «по капле» до сих пор остаётся неизвестным. А главное – откуда же это само по себе «рабское» самосознание? Это очень важно для творчества Игоря Елисева. Но откуда взялось само понимание русской души как воплощение рабской сущности? Не с запада ли дуют такие ветерки?..

Беспросветная тьма окутала душу и разум поэта, – но, как известно, «свет во тьме светит. И тьма не объяла его». Полнота самовыражения, его бескомпромиссность – это и есть тот самый свет, который пробивается даже в самой чёрной тьме.

Не знаю, как дальше будет развиваться творчество И. Елисева, найдёт ли он искомую путеводную звезду, проложит ли себе путь «по звёздам», как завещал нам классик уже другого – «Серебряного века» России – Вяч. Иванов, но уже сегодня со всей откровенностью можно сказать – книга удалась, сложилась как целое.

Своеобразным итогом мы можем считать слова автора:

Наливай же, на этот раз –
чтоб исчез, наконец, испуг
перед тем, что царит маразм
в грановитых дворцах страны;

перед тем, кто в грехе погряз
под водительством сатаны...

Если исчезнет страх, исчезнет и отчаяние. А боль останется, но она будет целительной, как боль после необходимой операции.

PS. Дополнение: Хотелось бы надеяться, но....

Но не бывает на земле чудес,
Как не бывает помощи от Бога.
Для мёртвого – всегда одна дорога,
Всегда сомненье: «Вправду ль Он воскрес?»

Где Бог? Что значит «Имя Божие»? В чём истинная вера? Автор предлагает только одно: задуматься. И себе, и читателю, и мне.

Санкт-Петербург
10.07.2017